

Лейкин Николай Александрович

Цветы лазоревые

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Цветы лазоревые / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 350 с.

ISBN 978-5-519-92932-5

ISBN 978-5-519-92932-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ СТАНЦІИ ДО УСАДЬБЫ.

Поездъ медленно подкатилъ къ платформѣ станціи. Сквозь протайну замерзшаго окна вагона виднѣлись на платформѣ жандармъ и суетившійся начальникъ станціи въ красной фуражкѣ. Сторожъ тотчасъ же «далъ» звонокъ.

— Станція Климово! Поездъ стоитъ три минуты! крикнулъ кондукторъ.

Подъ вагонами зазвякали молотки, пробующіе чугунные колеса. Я забралъ сабѣ-вояжъ и пледъ, и вышелъ изъ вагона. Около станціоннаго дома уже ждали сѣдоковъ окрестные мужики, пріѣхавшіе въ саняхъ на своихъ брюхатыхъ лошаденкахъ.

— Въ Бабурино!

— Два съ четвертачкомъ положьте, сударь, отвѣчалъ мужикъ въ рваной шапкѣ, изъ которой мѣстами выглядывала вата.

— Да ты, никакъ, съ ума спятилъ! За что?

— Какъ «за что»... помилуйте! Вѣдь до Бабурина у насъ отселева четырнадцать верстъ считается, а ежели ѣхать черезъ Казаковку, то и всѣ семнадцать.

— За два рублика садитесь, предложилъ другой мужикъ.

— Одеръ! чего ты цѣну-то сбиваешь! А еще сѣдая борода выросла... попрекнулъ его первый мужикъ. — Вѣдь въ Бабурино надо ѣхать объѣздомъ. Тамъ теперь въ рѣчкѣ вода выступила около плотины.

— Баринъ! Дайте рубль восемь гривенъ... крикнулъ третій мужикъ. — У меня лошадь хорошая. Живо доставлю.

— Рубль... сказалъ я.

— За рубль шесть гривенъ садитесь! Рубль сорокъ!.. Дайте рубль тридцать копѣекъ! не жалѣйте двухъ пяталинныхъ, раздавались голоса мужиковъ.

— Ну, двадцать копѣекъ я прибавлю.

— Садитесь... Эхъ, была не была! махнулъ рукой мужикъ.—Развѣ ужъ только по дорогѣ попотчуете ради морозу. Иззябли, сударь, стоявши.

Я влѣзъ въ сани и уѣлся на кулъ сѣна. Мужикъ приткнулся къ облучку, и мы поѣхали по рыхлому снѣгу. Лошаденка звенѣла бубенчиками.

— Оряси! Эка оглобля лысая! За рубль двадцать сажаютъ! ругались вслѣдъ мужику товарищи.

— Лайтесь, лайтесь, черти! Пусть лаются, анаемы, спокойно отвѣчалъ онъ.—Тамъ сѣдокъ-то только одинъ и остался. Съ этимъ поѣздомъ двое пріѣхали: вы да управляющій изъ Кузминки. Управляющаго не посадишь, такъ и жди до вечера, пока вечерній поѣздъ придетъ. Здѣсь налѣво, ваше благородіе, кабакъ... Прикажете остановиться у елочки?

— Нѣтъ, нѣтъ... пошелъ дальше... Что за глупости! Только отъѣхали—сейчасъ ужъ и въ кабакъ...

— Такъ что за бѣда? Съ мѣста-то тронувшись и выпить. А водка здѣсь, ваше степенство, хорошая, сладкая... Я промолчалъ, Елку проѣхали.

— Вы къ кому ѣхать-то изволите въ Бабурино? спросилъ мужикъ.

— Усадьбу посмотрѣть. Тамъ усадьба продается.

— Тутъ у насъ, сударь, все продается... Верстѣ на сто въ окружности на каждое мѣсто покупателейъ ищутъ. Стало быть, у жиды покупать будете?

— Да нешто онъ жидъ? Вѣдь онъ нѣмецъ.

— Жидъ безъ подмѣса, даромъ что въ спиньжакѣ ходить. Даже и воняетъ отъ него жидомъ... Помилуйте, тутъ у насъ все жиды. Всѣ усадьбы жиды скупили, всѣ пустоши, всѣ лѣса. Вотъ ужъ лѣтъ пять съ ними маемся. Пріѣхалъ

значала одинъ жиденокъ изъ Питера и купилъ лѣсъ у господина Рыдванова, а тамъ и пошло, и пошло... Какъ саранча нахлынули. Отъ Питера-то недалеко, всего четыре часа ѣзды, такъ вотъ имъ и способно орудовать. Купить усадьбу, лѣсъ вырубить, садъ вырубить, а потомъ и продаетъ. Одну усадьбу продать—другую купить. Такъ и барышатся въ эдакомъ направленіи... рассказывалъ мужикъ и умолкъ.—Смотрите, сударь, какъ она, проклятая, сворачиваетъ, сказалъ онъ и указалъ кнутомъ на лошадь.—Сама сворачиваетъ.

— Куда сворачиваетъ-то? спросилъ я.

— А тутъ у насъ опять кабакъ. Вонъ полштофъ на шестѣ торчитъ—это кабакъ и есть. Любишь, подлая, около кабака постоять! ласково крикнулъ мужикъ на лошадь.—Вѣдь вотъ, сударь, скотина она, а удивительно, какіе большіе смыслы насчетъ кабака имѣетъ. Очень ужъ она привычна насчетъ этого самаго... Прикажете остановиться?

— Нѣтъ, не надо... Послѣ... Успѣется еще...

— Водка-то ужъ здѣсь больно хороша. Огонь... Да и цѣловальникъ мужикъ очень ласковый.

— Русскій?

— Кабатчики здѣсь всѣ русскіе. А вотъ усадьбы—всѣ въ жидяхъ. Сейчасъ мимо мельницы поѣдемъ—тоже жидовская. Даве вотъ кузня была—и у кузни жидъ арендатель. Онъ и хлѣбъ мелетъ, и подъ залогъ разной вещи деньги даетъ. Господа-то, вѣдь, у насъ здѣсь всѣ продались, до тла продались. Сегодня мы, сударь, къ себѣ вечеромъ охотниковъ ждемъ. Медвѣдь тутъ у насъ поднялся и бродить. Вотъ вашу милость въ Бабурино доставлю, лошадь выкормлю—и опять на станцію потрафить надо. Охотниковъ поджидать будемъ. Тѣ господа ласковые, около каждаго кабака останавливаются. Какъ кабакъ—сейчасъ: стой во фрунтъ! Наши лошади оттого всю эту команду и знаютъ.

— Чья эта каменная усадьба налѣво? указалъ я на развалившіяся строенія.

— Тоже жидовская. Мойсеемъ Абрамычемъ онъ прозывается. По лѣтамъ самъ здѣсь съ своими жиденятами существуетъ. И супруга у него жидовская подобрана, мадамъ Сурковичъ прозывается... Глазастая такая... Начнутъ, это, они въ рѣчкѣ купаться...

Мужикъ прервалъ разговоръ, задержалъ возжами и началъ хлестать лошадь кнутомъ.

— Что, подлая! захотѣлось? Я тя пройму, я тя дошкурю! говорилъ онъ.

— Что такое случилось?

— Извѣстно, что. Опять кабакъ... Ну, и сворачиваетъ. Она ужъ безъ этого не можетъ. Конь понятливый... Охотники ее въ лучшемъ видѣ приучили.

— Однако, у васъ и кабаковъ же!..

— Страсть. Въ здѣшней волости сорокъ два кабака... И всѣ торгуютъ на славу. Ежели прикажете, то мы свернемъ.

— Да вѣдь будетъ еще кабаковъ-то.

— Какъ не быть... Тутъ у насъ по дорогѣ что ни плюнь— все кабакъ. А только я къ тому, что тутъ и пивка у цѣловальника для вашей милости достать можно.

— Какое теперь пиво въ эдакую холодину!

— Пиво грѣетъ. Оно пуще полущубка грѣетъ. Съ него не зазябнешь.

— Ну его... Пиво пріятно послѣ ѣды.

— Такъ-то оно такъ... А я думалъ, ваше благородіе, просто для штуки сдѣйствовать, чтобъ умъ лошадиный доказать. Сейчасъ бы вы мнѣ сказали, чтобы остановиться у кабака, а я возжи брошу, скажу: ну, Васька, исполняй свою правилу! И вотъ увидите, какъ она ловко къ крыльцу подбѣжить.

— Нѣтъ, ужъ мы лучше около одного изъ слѣдующихъ кабаковъ на этотъ фокусъ посмотримъ. Налѣво-то это что за зданіе?

— А это жидовская фабрика. Жида жестяную посуду

дѣлають. Тоже усадьба когда-то была, да вотъ молодой графъ Чекановъ жиду за долги отдалъ. Тутъ и садъ сзиданъ былъ. Большущій садъ... Деревья двоимъ и не обхватить... А вотъ теперь все вырубилъ. Жидъ вырубилъ да кабатчику продалъ, а энтотъ въ Лупашовъ постоянный дворъ выстроилъ, да два кабака новыхъ въ Кузминкѣ. Тутъ цѣлое гнѣздо жидовское. Есть и въ спиньжакахъ, есть и въ мурмолкахъ. Кабатчикъ нашъ—онъ вонъ у Рождества церковный староста—одного ихняго выкрестилъ въ нашу вѣру, такъ что злобы-то было—страсть! Убить сулились. Жиденокъ такъ и жить не могъ... Взялъ и уѣхалъ въ Питеръ. А теперь супротивъ кабатчика цѣлая война идетъ. Хочетъ онъ, къ примѣру, шкуру у мужика купить, а жидъ навернется и цѣну набьетъ. Начнетъ онъ приторговываться къ овсу, а жидъ тутъ какъ тутъ. Глядишь—и овесъ за жидомъ остался. Теперь, въ отместку ему, хотятъ кабакъ близъ его кабака строить. Намъ-то оно, конечно, хорошо: чѣмъ больше кабаковъ, тѣмъ лучше. А кабатчику — неважнецъ. Жидовъ, сударь, въ здѣшнемъ мѣстѣ раздразнить бѣда! Вотъ онъ раздразилъ, а теперь страдаетъ. За вѣру страдаетъ, потому — ты ужъ, тамъ, какъ ни вертись, а кабакъ жиды выстроятъ. Имъ ежели кабакъ выстроить, то они лѣтомъ отъ однихъ своихъ косарей сыты будутъ.

— Отъ какихъ косарей?

— А отъ такихъ, что эти самые жиды луга тутъ имѣють, сѣно косятъ и въ казну поставляють, отвѣчалъ мужикъ и воскликнулъ опять:—Ну, не каторжная ли у меня лошадь? Вотъ поглядите, что она дѣлаетъ! А все господа охотники...

— Опять кабакъ? спросилъ я.

— Кабакъ-съ... Ничего не подѣлаешь... отвѣчалъ мужикъ.—Хоть ты ее зарѣжь! Ужъ въ здѣшнемъ-то мѣстѣ вы, сударь, прикажите остановиться. Тутешный кабатчикъ намъ всѣмъ благодѣтель. Когда денегъ нѣтъ — въ долгъ водку даетъ. Его проминовать, какъ будто и передъ Богомъ грѣшно.

— Ну, сверни...

Мужикъ повеселѣлъ.

— Вы теперича извольте только на мою тварь посмотрѣть и полюбопытствовать, что она дѣлать станетъ, сказалъ онъ про лошадь и опустилъ возжи. — Ну-ка, Васька, докажи барину свою умственность лошадиную! крикнулъ онъ.

Лошадь затрусилла бойкой рысцей, свернула въ сторону и въ одинъ моментъ остановилась около занесеннаго снѣгомъ кабацкаго крыльца, какъ вкопанная.

У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОЙ.

Вдова купчиха Домна Тихоновна Каленова была больна, сидѣла у себя въ спальнѣ на двухспальномъ ложѣ, вся обложенная подушками, и охала. Около кровати помѣщалась, на стулѣ, пришедшая ее навѣстить сестра ея. По комнатѣ отъ стѣны къ стѣнѣ, заложа руки подъ фалды сюртука, ходилъ сынъ купчихи—Мишенька, молодой человекъ лѣтъ двадцати пяти.

— Что же это вы, маменька, стонете... Словно васъ рѣжетъ кто, или будто кожу съ васъ сдираетъ... говорилъ сынъ, морщась.

— Да рѣжетъ и есть—такъ какъ же не стонать-то?.. Вотъ подъ этимъ самымъ мѣстомъ словно кто ножомъ пырлетъ, отвѣчала купчиха.

— Нутренній ревматизмъ самой главной жилы въ требухѣ—вотъ и все, сказала сестра.

— А ноги-то отчего опухли? Опять же, съ чего меня то знобить, то въ жаръ? спросила купчиха.

— Ноги у тебя, сестра, отъ сидѣнья, а знобить, такъ ужъ это отъ лихорадки—тутъ ничего не подѣлаешь. Шутка

ли, ты теперича день шесть какъ насѣдка на лицахъ... А ты промнись по комнатѣ... Вѣдь болѣзнь можно иногда и разгулять.

— Ахъ, Дарьюшка!... Ужь ежели бы я могла проминажи дѣлать, то давно бы въ баню сходила да потельдокомъ на полкѣ въ легкомъ парѣ вымазалась. И какъ рукой сняло бы у меня всю болѣзнь. А вотъ въ томъ-то и горе мое, что какъ встану я на дыбы, такъ меня сейчасъ къ землѣ и при-тянетъ. Словно у меня утроба-то свинцомъ налита.

— Что же вамъ, мамашенька, докторъ-то говоритъ? спросилъ сынъ.

— Да ничего не говоритъ, а только какое-то мычаніе, либо хрюканіе... Я ему про ноги — мычить, я ему про ознобъ — хрюкаетъ, я ему про жаръ да про попорченность моего нутра, а онъ опять мычить. Ему что ни говори — у него всегда одно направленіе.

— Знаменитая извѣстность... Ничего не подѣлаешь. Такой ужъ у нихъ порядокъ. Чѣмъ знаменитѣе, тѣмъ больше дурости на себя напускаютъ, сказалъ сынъ.

— Ужь и знаменитость! проговорила сестра купчихи.— Вотъ мы про него даже и не слыхали.

— Мало ли вы чего не слыхали! А онъ на Калашниково-й пристани такъ знаменитъ, что хотъ отбавляй. Всѣ купцы-хлѣбники у него лечатся. Къ господамъ онъ не ѣздитъ, потому что и лечить ихъ не умѣетъ, а вотъ ежели изъ купеческой націи кто, то въ лучшемъ видѣ... На купцѣ-то ужъ онъ привыкъ. Онъ только издали взглянетъ на купца, такъ сейчасъ видитъ, что у него въ нутрѣ попорчено.

— Такъ не оттого ли, Мишенька, онъ мнѣ и помочь не можетъ, что онъ только на купцѣ привыкъ? спросила сына купчиха.— Можетъ быть, онъ мужской докторъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Онъ и женщинъ лечитъ, а только чтобы непременно она была купеческаго званія. Купеческаго званія — понимаетъ болѣзнь, а ежели баринъ или барыня передъ нимъ — сейчасъ у него затмѣніе на умъ находить. Къ

купеческой натурѣ привыкѣ, пояснилъ сынъ и спросилъ:—
Что же онъ прописалъ вамъ сегодня?

— Да вотъ что-то въ трехъ бутылкахъ... Пейте, говорить, три раза въ день по стакану. Утромъ изъ одной бутылки, въ обѣдъ изъ другой, а на ночь изъ третьей. Вотъ надо пить сейчасъ, да боюсь пить-то я.

— Въ какихъ же это смыслахъ? Что тутъ такого страшнаго?

— А думается мнѣ, что не тараканій ли это настой. Нынче знаменитые-то все, вонъ, тараканьимъ настоемъ лечатъ.

— А коли тараканій настой, то смѣло пей, подхватила сестра.—Значить, это простое средство. А простое средство всегда полезно. Только не больно-то любятъ ученые доктора простыми средствами лечить. Такъ и этотъ докторъ. Ну, станетъ ли онъ тараканами лечить!

— Боткинъ лечить-съ, тетенька... возразилъ сынъ купчихи.—Тотъ даже живыхъ таракановъ даетъ глотать. А вѣдь тоже ученость и знаменитая извѣстность. Вы про Боткина-то слышали ли?

— Нѣтъ, не слыхала. А тебѣ, сестра, вотъ мой совѣтъ: чѣмъ тебѣ у ученыхъ докторовъ лечиться, пошли-ка ты лучше къ намъ на Лиговку за Астафичемъ. Онъ докторъ изъ простыхъ, изъ скрипинскихъ коноваловъ, а чудеса дѣлаетъ. У подрядчика Смородинова все нутро было кверху ногами повернуто, а Астафичъ въ недѣлю всякую кишку ему на мѣсто поставилъ. И чѣмъ пользовалъ-то! Лошадиной дугой теръ, да наговоренныя корки съ арапскими словами ѣсть давалъ.

Купчиха задумалась.

— То-то я думаю: не перемѣнить ли мнѣ, Мишенька, доктора-то? проговорила она.—Не взять ли другого какого. А то, этотъ вторую недѣлю ходитъ и никакой черезъ него пользы. Придетъ, пощупаетъ, похрюкаетъ, лекарство пропишетъ, мадеры полбутылки выпьетъ, да и уйдетъ.

— Ужь ежели мѣнять, маменька, то мѣнять не на коновала Астафьича, а на гомеопата, отвѣчалъ сынъ.—Все-таки, по-крайности, новомодность.

— На кого? переспросила сестра купчихи.

— На гомеопата. Тутъ ужъ можно безъ всякой боязни.

— Это что же такое?

— А такой докторъ, который ничѣмъ лечитъ. Такихъ теперь много развелось.

— То есть, какъ же это такъ—ничѣмъ?

— Очень просто. Придетъ, пощупаетъ, деньги возьметъ и скажетъ: уповай на Бога.

— Это изъ духовенства, что ли?

— Нѣтъ, изъ нѣмцевъ, какъ быть слѣдуетъ. Вѣдь у каждаго доктора своя сибирь. Обыкновенные ученые доктора такъ лечатъ, чтобъ чѣмъ больше лекарствомъ напичкать, тѣмъ лучше, а гомеопаты на свою собственную модель—они ничѣмъ лечатъ. Уповай—вотъ съ тебя и довольно.

— Да они ученые или простые?

— Нѣтъ, не ученые, а только изъ нѣмцевъ. Изъ простыхъ нѣмцевъ. Кто часовыхъ дѣлъ мастеръ, кто портной, кто слесарь... Науки они не знаютъ, а своимъ умомъ дошли до всего этого, старался пояснить сынъ.

— Ну, все-таки, они что-нибудь нюхать даютъ, что ли? спросила купчиха.

— И нюхать не даютъ.

— Такъ, вѣрно, словесами таинственными заговариваютъ...

— Ни, Боже мой, никакихъ словъ. А только ежели ужъ человѣкъ умираетъ, то дадутъ ему вотъ эдакую маковую крупинку чего-то и скажутъ: вотъ тебѣ, раскуси на-двое и съѣшь половину утромъ и половину вечеромъ. А крупинка маленькая такая... Ну, одно слово—маковое зерно. И ежели больной человѣкъ можетъ эту крупинку пополамъ раскусить, то живъ останется, а не можетъ и всю проглотить, то сейчасъ же умереть.

— Фу, какое леченье страшное! махнула рукой купчиха.— Нѣтъ, я такого доктора не хочу. Лучше ужъ я за Астафичемъ на Лиговку пошлю.

— Да вѣдь вамъ гомеопатъ такой крупинки, маменька, не дать, потому—вы, слава Богу, не при смерти... А онъ придетъ и только скажетъ вамъ: уповай на Бога. Ужъ отъ этого ничего не сдѣлается.

— Сестра! Какъ ты думаешь, послать?

— Мой совѣтъ: за Астафичемъ пошли.

— Ну, такъ я и за Астафичемъ пошлю, да и за нѣмцемъ, который ничѣмъ лечить. Да и мой-то докторъ пускай меня пользуется. Втроемъ-то ужъ они меня навѣрное воспользуютъ, закончила купчиха.

У БАБУШКИ ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Въ темномъ и маленькомъ дворѣ многоэтажнаго каменнаго дома на Литейной улицѣ, у подъѣзда надворнаго флигеля стоитъ карета съ гербами на дверцахъ, трое щегольскихъ саней съ пузатыми кучерами на облучкахъ и двое извозничьихъ саней. На дворъ вѣхали еще сани съ запряженнымъ въ нихъ дорогимъ рысакомъ. Изъ саней выскочилъ офицеръ въ парадной формѣ и направился въ подъѣздъ довольно сомнительной чистоты лѣстницы. Онъ позвонился у дверей второго этажа. На дверной мѣдной дощечкѣ было вырѣзано: «княгиня Ксенія Петровна Галикова». Пришлось повторить звонокъ. Ему отворила старуха въ коричневомъ шерстяномъ платьѣ и въ чепцѣ, изъ-подъ котораго выглядывали совсѣмъ сѣдые волосы.

— Графъ Владиміръ Дмитрічъ... проговорила она, пя-